

ПУБЛИЦИСТИКА ВЛАДИМИРА КОРОЛЕНКО
PUBLICYSTYKA WŁADIMIRA KOROLENKI
JOURNALISM OF VLADIMIR KOROLENKO

Antoni Bortnowski

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
a.bortnowski@amu.edu.pl

Abstract: Journalism takes a very important place in the works of Vladimir Korolenko. The writer witnessed historic changes in Russia of the late 19th – early 20th century and in his many works included a great number of valuable comments and insightful analysis of the processes taking place on the territory of the decaying Russian Empire. The last years of the writer's life coincided with a period of formation of the Soviet authority, which Korolenko did not accept. This fact was often overlooked or ignored in the Soviet critical works on the writer and only after the collapse of the USSR it was possible to conduct an overall analysis of Korolenko's rich heritage. Many of his articles containing insights into the Russian reality can be applied to modern times.

Ключевые слова: Владимир Короленко, русская публицистика конца XIX – начала XX века, Октябрьская революция в публицистике, национализм и антисемитизм в России начала XX века.

Słowa kluczowe: Władimir Korolenko, rosyjska publicystyka końca XIX – początku XX wieku, rewolucja październikowa w publicystyce, nacjonalizm i antysemityzm w Rosji na początku XX wieku.

Keywords: Vladimir Korolenko, Russian journalism of the late 19th – early 20th century, October Revolution in journalism, nationalism and anti-Semitism in Russia of the early 20th century.

Владимир Галангионович Короленко — это писатель, не только глубоко осмысливший жизнь простого человека в трудные времена конца XIX — начала XX веков, но и внимательный наблюдатель процессов и явлений, происходящих на огромных просторах Российской империи: от родной Украины до далекой Маньчжурии. У Короленко, так же как и у Льва Толстого, была способность видеть общенациональное, коллективное сквозь призму индивидуального, часто интимного. Уже Иван Бунин видел параллели между этими двумя русскими писателями:

Радуюсь тому, что он живёт и здравствует среди нас, как какой-то титан, которого не могут коснуться все те отрицательные явления, которыми так богата наша нынешняя литература и жизнь. Когда жил Л. Н. Толстой, мне лично не страшно было за всё то, что творилось в русской литературе. Те-

перь я тоже никого и ничего не боюсь: ведь жив прекрасный, непорочный Владимир Галактионович Короленко¹.

Автор *Сна Макара* пользовался большим авторитетом среди своих современников, что подтверждают слова таких выдающихся представителей русской литературы, как Антон Чехов: „Я готов поклясться, что Короленко очень хороший человек. Идти не только рядом, но даже за этим парнем — весело“², — или Максим Горький:

Я был дружен со многими литераторами, но ни один из них не мог мне внушить того чувства уважения, которое внушил В[ладимир] Г[алактионович] с первой моей встречи с ним. Он был моим учителем недолго, но он был им, и это моя гордость по сей день³.

Владимир Короленко писал до конца своей жизни, стараясь как можно больше передать своим наследникам. Последние годы он интенсивно работал над незавершенным автобиографическим циклом *История моего современника* (1905–1921), в котором стремился не только подвести итоги своего жизненного пути, но и упорядочить философские взгляды. Мирозрение писателя в большей степени вырисовывается также при анализе его публицистики.

Творчество Короленко долгие десятилетия рассматривалось односторонне, „подстраивалось“ в значительной степени к упрощенному в советское время восприятию действительности и исторического процесса. В результате наследие автора *Истории моего современника* могло быть целостно и всесторонне осмысленно лишь на рубеже XX и XXI вв. Ранее, советские литературоведы справедливо обращали внимание на способность писателя „раскрыть дремлющие и пробуждающиеся силы народа“⁴, игнорируя одновременно „неудобные“ критические слова в адрес притесняющих свободу личности большевиков и неактуальные с их точки зрения рассуждения на тему национального характера и прочих „пережитков прошлого“. В результате в советских изданиях читатель мог встретить образ Короленко „с мозолями на ладони, должно быть от весел или топора“⁵. Писателя можно было бы успешно представить в качестве борца с деспотической царской властью, готовящего почву для прихода

¹ Цит. по кн: А. Храбровицкий, *Бунин и Короленко*, „Огонек“ 1961, № 48, с. 27.

² А. Чехов, *Письмо А. Н. Плещееву*, [в:] его же, *Письма в 12 томах*, т. 2: 1887 – сентябрь 1888, Москва 1975, с. 240.

³ Цит. по кн: Б. Аверин, *Рассказы, этюды и очерки В.Г. Короленко*, [в:] электронный ресурс: <http://www.classic-book.ru/lib/al/book/933> (12.12.2015).

⁴ Г. Бялый, *Короленко* [в:] *История русской литературы в 10 томах*, т. IX, ч. 2, Москва 1956, с. 343.

⁵ *История русской советской литературы в 3 томах*, под ред. И. Латышева, т. I, Москва 1958, с. 118.

на революционной волне власти народа, если бы не то, что Владимир Короленко успел увидеть собственными глазами действия большевиков и решительно осудил их в своих статьях. Сложившаяся ситуация в советской *Истории русской литературы* представлена следующим образом: „Короленко понимал, что революция несет то, к чему он стремился, — реализацию народных надежд; но задачи диктатуры пролетариата не были ему близки“⁶. Данная формулировка является, конечно, предельно „мягкой“ по отношению к позиции писателя, сложившейся в первые послереволюционные годы. Правила жесткой борьбы за „светлое будущее“ были чужды Короленко, что подтверждает цитата из статьи *О сложности жизни* (1899), написанной задолго до большевистского переворота:

Дорог „человек“, дорога его свобода, его возможное на земле счастье [...]. Поэтому, несомненно, важны не одни конечные результаты, а и то, как они достигаются⁷.

Владимир Короленко, побывавший в тюрьмах и ссылках за критику самодержавия, пользовался огромным авторитетом, с которым должна была считаться любая власть. С независимой позицией писателя приходилось мириться и „белым“, и „красным“, и сторонникам Петлюры.

Публицистика Владимира Короленко, рассматриваемая целостно, доказывает, что в любых условиях писатель оставался верным своим главным принципам — свободе личности и уважению к индивиду. В России же при любой власти последовательная борьба за права человека, рассматриваемого не только как часть общества, обрекает Короленко на роль „вечного оппозиционера“. Несогласие писателя с притеснением личности властью и государственной идеологией выражена в статьях как дореволюционного, так и послеоктябрьского периода. В данной работе мы сосредоточимся на нескольких примерах публицистических текстов Владимира Короленко с целью показать, что, несмотря на разнообразие тем, все они органично связаны друг с другом, раскрывая основные черты мировоззрения писателя.

В статье *О сложности жизни* Короленко четко выразил отношение к идеологам своего времени, стремящимся найти рецепт по-

⁶ Б. Аверин, *Владимир Короленко*, [в:] *История русской литературы в 4 томах*, т. 4, Ленинград 1983, с. 176.

⁷ В. Короленко, *О сложности жизни. (Изъ полемики съ „марксизмом“)*, [в:] его же, *Полное собрание сочинений В. Г. Короленко*, т. 5, Санкт-Петербург 1914, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1899_o_slozhnosti_zhizni.shtml (12.12.2015).

строения благополучного общества. Писатель отметил, что человек не может существовать и развиваться по навязанным сверху формулам, и в условиях все более сложной жизни не надо людям указывать „как печь пироги”⁸. В этом же тексте Короленко обращает внимание, что между свободой и развитием личности возникает обратная связь: „Чем выше личность, тем «проще» должно быть воздействие на нее”⁹. Эти слова явно противоречат принципам как царской, так и советской власти.

Как уже было сказано, Владимир Короленко никогда не боялся критиковать самодержавие, о чем свидетельствует его отказ присягать Александру III (в результате писатель был сослан в Сибирь). Критика царской власти не ограничивалась, однако, осуждением социального и политического строя¹⁰. Автор *Истории моего современника* осуждал также российский империализм с его шовинистической окраской. Одна из его статей *Национализм, гуманность, нагайка, война* (1905) затрагивает тему случаев возмутительного поведения российских офицеров в Маньчжурии, применяющих силу по отношению к китайцам только потому, что те не понимали русской речи:

Многие летописцы войны отмечают чрезвычайное добродушие и незлобивость китайского населения. Они мирно жили и работали в полях, когда к ним пришли чужие люди, считающие себя в праве топтать их посевы, разрушать их жилища и разговаривать с ними при посредстве нагаек, только потому, что одна сторона не понимает по-русски¹¹.

Дискриминация по национальному и религиозному признаку была широко распространена и в пределах самой Российской империи, что Короленко неоднократно отмечал в своих статьях. Писатель обращал также внимание на то, что великорусский шовинизм развивался в обществе часто при попустительстве властей. Наиболее известной его работой, посвященной этой теме, является цикл

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ В качестве примеров текстов, прямо критикующих политику властей по отношению к населению, можно привести *Сорочинскую трагедию* (1906), описывающую жестокость царских карателей по отношению к крестьянам; *В голодный год* (1907) об абсурдности действий провинциальных властей; *Новую „Ковалевщину” в Костроме* (1905), в которой представлена безнаказанность и вседозволенность в офицерских кругах или, наконец, *В успокоенной деревне (картинки подлинной действительности)* (1911) — статью, затрагивающую проблему коррумпированной судебной системы.

¹¹ В. Короленко, *Национализм, гуманность, нагайка, война*, [в:] его же, *Полное собрание сочинений В. Г. Короленко*, т. 6, Санкт-Петербург 1914, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1905_natzionalizm_olderfo.shtml (15.12.2015).

статей *Дело Бейлиса* (1913), описывающий громкий судебный процесс киевлянина еврейского происхождения Менделя Бейлиса, обвиняемого в ритуальном убийстве православного мальчика. Владимир Короленко специально отправился в Киев, чтобы лично следить за делом и разоблачать предвзятую логику обвинения. Когда кто-то из свидетелей вспомнил, что Бейлис гонял мальчишек с кирпичного завода (хотя сами дети это опровергали), обвинение сразу сформулировало следующий силлогизм: „если Бейлис гонял, то мог и догнать... Если мог догнать, то мог и схватить. Если мог схватить, то мог и унести, а дальше, конечно, мог и выточить кровь. Ну, а мог, — значит, и сделал”¹². Короленко, благодаря активной борьбе с манипуляциями черносотенцев, несомненно в какой-то степени повлиял на оправдательное решение присяжных, вызвавшее в Киеве всеобщее торжество: „Внезапно физиономия улиц меняется. Виднеются многочисленные кучки народа, поздравляющие друг друга. Русские и евреи сливаются в общей радости”¹³.

Следует отметить, что Короленко обращал внимание не только на проявление антисемитизма со стороны царских властей, о чем свидетельствует описанная им в *Доме № 13* (1903) картина еврейского погрома в Кишиневе. Писатель и в этом случае лично посетил место событий и описал, до какого зверства может довести простых людей вражда на национальной почве. В *Доме № 13* Короленко сосредоточился, однако, не на роли властей или крайне правых организаций, а на поведении неуправляемой толпы.

И это будет вечно волнующий вопрос о том, каким образом человек обыкновенный, средний, иногда, может быть, недурной человек, с которым порой приятно вести дело в обычное время, вдруг превращается в дикого зверя, в целую толпу диких зверей¹⁴.

Ужасные события, описанные Короленко, раскрывают схему действия озлобленной массы людей, узнавшей, что полиция, скорее всего, не будет вмешиваться:

[...] молдаване, жившие около бойни, сделали свои выводы. Они стали держать совет, который исходил из общего положения, что им, живущим около боен, очевидно, нужно делать то же, что делают в других местах города¹⁵.

¹² В. Короленко, *Дело Бейлиса. На Лукьяновке*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 9, Москва 1955, с. 642.

¹³ В. Короленко В., *Дело Бейлиса. Присяжные ответили...*, [в:] его же, *Собрание сочинений...*, указ. соч., т. 9, с. 655–656.

¹⁴ В. Короленко, *Дом № 13*, [в:] его же, *Собрание сочинений...*, указ. соч., т. 9, с. 407.

¹⁵ Там же, с. 413.

Таким образом мы опять возвращаемся к проблеме личности, которая у Короленко противопоставлена жестокой и „бесчеловечной” массе. С одной стороны, „человек” терялся в животных инстинктах толпы, с другой — игнорировался в сложных идеологических схемах национального превосходства или классовой борьбы. В статье *О сложности жизни* писатель одной из основных проблем своего времени называет „фетишистское преклонение перед «процессами», которое так часто закрывает именно «человека», поработавшая ум предвзятыми и узкими схемами”¹⁶.

Национализм — это, по мнению Короленко, одно из явлений, превращающих людей в представителей враждующих лагерей, зафиксированных на своем превосходстве и „образе врага”. Национальность для Владимира Короленко была вещью естественной и не требующей постоянного о ней напоминания, о чем писатель высказался в статье *Несколько мыслей о национализме* (1901):

Просто здоровый человек не чувствует и не носитя со своим здоровьем. Если у вас легкие здоровы — вы просто дышите ими, даже не замечая этого, — и даже в том именно и состоит самая сущность здоровья, что организм легко и свободно выполняет все свои функции, не тратя на это ни внимания, ни лишней нервной силы. Если же вы встречаете субъекта, который слишком носитя со своим „здоровьем”, постоянно говорит о нем, кстати и некстати, даже иной раз хвастает „отличным состоянием своего желудка, печени или легких”, то у вас невольно закрадывается сомнение, и вы начинаете думать, что, вероятно, у этого ультраздорового человека не все ладно если не в желудке, то в нервном настроении¹⁷.

В этой же статье на примере некоего „русского общества” Короленко доказывает, насколько отвлекающими от реальных проблем и даже „театральными” могут стать чрезмерные усилия, нацеленные на то, чтобы всем вокруг показать национальную гордость и исключительность своего этноса.

Группа лиц с известными аристократическими именами задалась целью восстановить „древний строй русской одежды”, и отныне члены этого общества будут ходить не иначе как в охабнях и мурмолах, в желтых и красных сапогах, а женщины в сарафанах и кокошниках¹⁸.

Другой, более опасной стороной национализма Короленко считал враждебность по отношению к представителям других наций.

¹⁶ В. Короленко, *О сложности жизни...*, указ. соч.

¹⁷ В. Короленко, *Несколько мыслей о национализме*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 5 томах*, т. 3, Ленинград 1990, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1100.shtml (15.12.2015).

¹⁸ Там же.

„Мы ррусские люди“ (или еще лучше – рруссаки), – говорят наши националисты и тотчас же опять прибавляют: „Долой жидов, долой немцев, долой поляков“ и т. д., и т. д. А так как, разумеется, первого утверждения никто не опровергает, то, по самой логике вещей, вся суть явления, его центр тяжести переходит во вторую половину формулы. Таким образом, реальное содержание национализма сводится на „отрицание“ других национальностей¹⁹.

Следует отметить, что, кроме русского национализма, Владимир Короленко неоднократно относился также к его украинской разновидности. Писатель, родившийся в Житомире, провел на Украине первые 19 лет и последний 21 год жизни. Будучи хорошо знакомым с местной спецификой, Короленко в статье *Украинский шовинизм* (1917) смело заявлял, что „шовинизм, т. е. грубая национальная заносчивость и тщеславие, по-украински выходят так же некрасивы, смешны и вредны, как и по-русски или по-немецки“²⁰. Поводом для столь резких высказываний стал инцидент в Харькове, когда приехавшим из России эсеру и народнической активистке не дали выступить по-русски.

Во время речи Лебедева некоторым украинцам показалось обидным, что Лебедев (русский!) смеет говорить в Харькове по-русски. Стали кричать: „Говорить по украински“. Лебедев заявляет, что он не знает украинского языка. „Стыдно!... Надо знать!“ – кричат ему на это. Лебедев возражает. Поднимается невероятный шум и крик: „Довольно! Долой!“ . В конце концов Брешко-Брешковская, взволнованная, вместе с Лебедевым покидает собрание. Харьковский „национализм“ торжествует: отделили „москалей“. Да еще каких москалей! Будут помнить²¹.

Короленко оценивает происшествие однозначно, рассматривая его не как проявление национальной гордости и патриотизма, а как „узкий и слепой шовинизм“ и „карикатурную „великодержавность“²². Писатель таким образом подчеркивает, что если „жертва“, освободившись, станет мстить „палачу“, используя его же методы (даже, если в данном случае жертва – притесняемая веками украинская культура), то они лишь поменяются местами, что не устранит взаимную вражду и не приведет к примирению.

Публицистика Владимира Короленко показывает интересную закономерность, согласно которой притесненные и даже преследуе-

¹⁹ Там же.

²⁰ В. Короленко, *Украинский шовинизм*, [в:] „Была бы жива Россия!“. *Неизвестная публицистика. 1917–1921 гг.*, Москва 2002, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1917_ukrainsky_shovinizm.shtml (15.12.2015).

²¹ Там же.

²² Там же.

мые группы после захвата власти проявляют тенденцию действовать по принципам своих недавних угнетателей (это касается и украинцев, и большевиков, о чем будет сказано в дальнейшей части статьи). В случае с оценкой харьковского инцидента Короленко нельзя подозревать в предвзятости, так как писатель неоднократно выражал свое глубокое уважение и теплые чувства по отношению к украинскому языку, так как, например, в статье *Котляревский и Мазепа* (1916). Описывая скандал вокруг открытия в Полтаве памятника Ивану Котляревскому, Короленко замечает, что знаменитый украинский писатель

первый стал писать на языке, на котором говорило население целого края, но у которого не было письменности. Он сделал этот мягкий, выразительный, сильный, богатый язык языком литературным, и украинская речь, которую считали лишь местным наречием, с его легкой руки зазвучала так громко, что звуки ее разнеслись по всей России²³.

Владимир Короленко неоднократно выступал также в защиту украинского языка и культуры, осуждая шовинистическую политику царских властей.

С чувствами горечи и осуждения русское общество относится к дальнейшим проявлениям того же вандализма, оказывавшегося в последующие годы в виде закрытия просветительных учреждений, газет и журналов на украинском языке и объявления „мазепинством“ самых законных элементарно-культурных стремлений украинцев²⁴,

— заявлял писатель в упомянутой выше статье.

Осуждая политику царских властей, Владимир Короленко не менее суровую оценку дает формирующемуся советскому порядку. Писатель умер в 1921 г., едва успев увидеть окончательную победу большевиков в гражданской войне. Это, однако, не помешало правильно (как нам кажется с сегодняшней перспективы) оценить природу новой власти. Яков Донской в работе *В. Г. Короленко. Очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя 1900–1921* (1963) отметил:

Болезнь и тяжелый груз годов помешали Короленко во всем объеме, со всей глубиной и полнотой оценить историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года не только для нашей страны, но и для всего человечества²⁵.

²³ В. Короленко, *Котляревский и Мазепа*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 8, Москва 1955, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1020.shtml (15.12.2015).

²⁴ Там же.

²⁵ Я. Донской, *В. Г. Короленко. Очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя 1900–1921 гг.*, Харьков 1963, с. 190.

Время показало полную несостоятельность данного утверждения, доказав, что большевизм мог привести Россию только в тупик. Об этом Короленко заявил в конце 1919 г., став свидетелем окончательного торжества советской власти в Полтаве.

На Украину пришел большевизм и утвердился надолго. Большевизм упразднил самое понятие общей свободы и правосудия. Он прямо объявил диктатуру одного класса, вернее даже не класса, а беднейшей его части с ее вождями, в качестве программы. [...] Большевизм — это последняя страница революции, отрешившейся от государственности, признающей верховенство классового интереса над высшими началами справедливости, человечности и права. С большевизмом наша революция сходит на мрачные бездорожья, с которых нет выхода...²⁶

После революции Короленко сразу отметил, что при всех своих внешних отличиях, новая власть органично вписывается в худшие, господствующие веками в России традиции неуважения к личности и ограничения свободы мысли.

Торжествующая партия стремится по инерции, даже восстанавливая одно право, нарушить другое. Торжество ее стихийно переходит в насилие произвола и мести. На этом пути она неизменно встречает независимое слово, которое стоит на страже терпимости, свободы и права, отравляя таким образом полноту торжества победителей...²⁷

Короленко, осуждая политику большевиков, вводящих цензуру печати, еще раз подчеркнул, что любая, даже самая „светлая“ идея не может навязываться запретами, ограничениями и преследованием инакомыслящих.

Человек, являющийся основой общества, был всегда в центре внимания Владимира Короленко, и потому в революционных событиях, потрясших Россию, писателя поразили не столько жестокость и беспринципность противоборствующих сторон (писатель никогда не доверял властям), сколько пассивность всех слоев общества, готовых некритично следовать за новыми лидерами. Тон разочарования особенно ярко звучит в статье с громким заглавием *Бесскелетные души* (1917). Позволим себе процитировать достаточно обширный фрагмент данного текста, главная мысль которого спустя уже почти 100 лет не потеряла своей актуальности:

²⁶ В. Короленко, *Земли! Земли!*, [в:] *Мысли, воспоминания, картины*, Москва 1990, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1921_zemli.shtml (21.12.2015).

²⁷ Цитируется по кн: С. Короленко, *Книга об отце*, Ижевск 1968, с. 315, [в:] электронный ресурс: http://www.vkorolenko.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2160&Itemid=435 (21.12.2015).

Вот в газетах рассказывают, что церковный алтарь Зимнего дворца был превращен после завоевания дворца большевиками — в... уборную. Алтарь кощунственно осквернен. Хотелось бы думать, что это только клевета поспешного газетного репортера... Даже почти наверное так... Но почему же нет горячих и громких опровержений?... Конечно, если бы даже это было верно, то гнусность кучки хулиганов не может быть отнесена за счет всего народа, который этого бы, конечно, не сделал. Да, но почему же это не кажется таким страшным, каким должно казаться даже для неверующего. Можно не верить самому, можно не преклоняться перед этим алтарем, но слишком легкий переход от преклонения к кощунству, от суеверия к оплеванию веры, еще согревающей миллионы сердец, — разве это не доказательство поразительной неустойчивости, бесскелетности души... Кучка хулиганов? Но почему она так легко посягает на верования миллионов? Не потому ли, что она знает, что и эта многомиллионная душа мягкотела, бесскелетна и производит впечатление биологического студня... Точно ей приказали, не верь, — и она перестала верить, в ожидании, что за это ей дадут землю²⁸.

Мысль, выраженная в данной статье, подтверждает убеждение Владимира Короленко в том, что истинные изменения в России произойдут лишь тогда, когда приспособленчество и слепое подчинение власти уступят в обществе место сознанию свободного гражданина с четкой и независимой от политической конъюнктуры системой ценностей. Пассивность же и неспособность отстаивать свои права, продолжают в России процесс перевоплощения репрессивной системы. На примере многих статей Владимира Короленко становится понятно, что любая власть (даже руководствующаяся самыми благими намерениями), рожденная в обществе, не понимающем идей свободы, рискует рано или поздно стать репрессивной. В свободном же обществе, в котором уважение к каждому человеку является основным принципом, а граждане контролируют власть, возникновение репрессивной системы просто невозможно. По этой причине публицистика Владимира Короленко — и дореволюционная, и послеоктябрьская — преимущественно сосредоточена именно на идее борьбы за права личности, уважение к ней, ее „эмансипацию“ в российском обществе, а не за ту или иную политическую систему.

²⁸ В. Короленко, *Бесскелетные души*, [в:] „Была бы жива Россия!": *Неизвестная публицистика. 1917-1921 гг.*, Москва 2002, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1917_ukrainsky_shovinizm.shtml (15.12.2015).

Библиография

- Аверин Б., Владимир Короленко, [в:] *История русской литературы в 4 томах*, т. 4, Ленинград 1983.
- Аверин Б., *Рассказы, этюды и очерки В.Г. Короленко*, [в:] электронный ресурс: <http://www.classic-book.ru/lib/al/book/933> (12.12.2015).
- Бялый Г., *Короленко*, [в:] *История русской литературы в 10 томах*, т. IX, ч. 2, Москва 1956.
- Донской Я., В. Г. Короленко. *Очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя 1900–1921 гг.*, Харьков 1963.
- История русской советской литературы в 3 томах*, под ред. И. Латышева, т. I, Москва 1958.
- Короленко В., *Бесклетные души*, [в:] „*Была бы жива Россия!*“: *Неизвестная публицистика. 1917–1921 гг.*, Москва 2002, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1917_ukrainsky_shovinizm.shtml (15.12.2015).
- Короленко В., *Дело Бейлиса. На Лукьяновке*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. IX, Москва 1955.
- Короленко В., *Дом № 13*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 9, Москва 1955.
- Короленко В., *Земли! Земли!*, [в:] *Мысли, воспоминания, картины*, Москва 1990, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1921_zemli.shtml (21.12.2015).
- Короленко В., *Котляревский и Мазепа*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 10 томах*, т. 8, Москва 1955, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_10_20.shtml (15.12.2015).
- Короленко В., *Национализм, гуманность, нагайка, война*, [в:] его же, *Полное собрание сочинений В. Г. Короленко*, т. 6, Санкт-Петербург 1914.
- Короленко В., *Несколько мыслей о национализме*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 5 томах*, т. 3, Ленинград 1990, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1100.shtml (15.12.2015).
- Короленко В., *О сложности жизни. (Изъ полемики съ „марксизмомъ“)*, [в:] его же, *Полное собрание сочинений В. Г. Короленко*, т. 5, Санкт-Петербург 1914, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1899_o_slozhnosti_zhizni.shtml (12.12.2015).
- Короленко В., *Украинский шовинизм*, [в:] „*Была бы жива Россия!*“: *Неизвестная публицистика. 1917–1921 гг.*, Москва 2002, [в:] электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1917_ukrainsky_shovinizm.shtml (15.12.2015).
- Короленко С., *Книга об отце*, Ижевск 1968, с. 315, [в:] электронный ресурс: http://www.vkorolenko.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2160&Itemid=435 (21.12.2015).
- Храбровицкий А., *Бунин и Короленко, „Огонек“* 1961, № 48.
- Чехов А., *Письмо А. Н. Плещееву*, [в:] его же, *Письма в 12 томах*, т. 2: 1887 – сентябрь 1888, Москва 1975.